

В заключение своих рассуждений о роде чукчей и коряков Ю. Б. Симченко отмечает, что все указанные признаки вряд ли могут быть достаточно веским доказательством существовавшего некогда, но исчезнувшего рода⁵. Можно думать, что В. В. Антропова, изложив свои соображения на этот вопрос в более ранней своей работе⁶, не сочла нужным касаться ее в рецензируемой книге.

Как нам представляется, все же наличие у коряков большой патриархальной семьи может служить одним из наиболее веских признаков наличия в прошлом (вероятно, в очень отдаленном) родовой организации, а обычаи отработки и «хватания» невесты могут рассматриваться в качестве пережитков, характеризовавших переход к патрилокальности.

Переходя ко второй части монографии, хотелось бы отметить, что она заслуживает самой высокой оценки. В своей краткой рецензии мы не имеем возможности остановиться подробно на приводимом автором материале. Скажем лишь, что В. В. Антропова сумела глубоко проанализировать сложные процессы развития новых общественных отношений, становления новой культуры и быта.

В главе о развитии общественных отношений удачно показано, как происходило становление социалистической собственности, принципиально отличной от прежних форм как коллективной, так и частной собственности, бытовавших у коряков в прошлом. «Байдара и традиционные орудия морского зверобойного промысла и рыболовства, — пишет автор, — постепенно утрачивали значение основных средств производства. Первоначально они перестали играть решающую роль в общественном хозяйстве. Социалистическая собственность постепенно поглощала как общинную, так и частную» (стр. 159). Автор подметил один очень существенный момент, а именно, что в практике, на местах, старые, т. е. общинные формы производственных объединений нередко ошибочно приравнивали к новым, социалистическим.

Интересно написан раздел «Этнические процессы». Автором подмечено много любопытных подробностей о ходе этих процессов как у отдельных групп, так и у всех коряков в целом.

В главах второй части монографии автор пишет также о трудностях и ошибках, которые имели место в процессе социалистического строительства в этом районе, раскрывает причины тех или других недостатков.

Работа в целом хорошо продумана, в ней даются ясные и четкие формулировки, она не загромождена излишними рассуждениями и деталями, написана хорошим в стилистическом отношении языком, читается легко и с интересом.

Н. А. Кисляков

⁵ Общественный строй народов Северной Сибири, стр. 322.

⁶ В. В. Антропова, Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXV, 1957, стр. 131.

Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, 253 стр.

Книга Б. В. Андрианова «Древние оросительные системы Приаралья» имеет подзаголовок — «в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия», который открывает ее истинное содержание. С одной стороны, это капитальная работа по конкретной теме — истории и технике орошения определенного района Средней Азии, с другой — серьезная теоретическая работа по истории и развитию орошаемого земледелия, обобщающая материал не только по Средней Азии.

Как указывает сам автор, его задачей было «в широкой зоне аридных стран» проследить «историю возникновения и развития орошаемого земледелия, что позволило выявить ряд общих и частных закономерностей в развитии ирригации в целом и определить место ирригации Приаралья» (стр. 3). И основное положение работы сформулировано автором следующим образом: «Земледелие, представляющее фундамент древних цивилизаций в странах с недостаточным количеством осадков, было всегда связано с орошением». Эту формулировку я бы расширил, указав на то, что система орошения служила не только для земледелия, но и для животноводства, причем эти два способа добывания пищи можно рассматривать в данном случае единой формой хозяйства, не говоря уже о том, что скот обеспечивал не только земледельческие работы на полях, но также и ирригационные. Животные как тяговая сила употреблялись при насыпании дамб, подъеме воды, перевозке продуктов. Да и сам автор в третьей главе приводит следующие слова из Авесты: «...воды текут по каналам, растут насаждения для прокормления стад и людей, для прокормления стран арийских» (стр. 114). В книге же общая проблема истории орошаемого земледелия ограничена земледельческим ее аспектом. Это объясняется тем, что Хорезм рассма-

тривается Б. В. Андриановым как сельскохозяйственная область Средней Азии, расположенная по соседству со степным скотоводческим миром и поддерживающая с ним тесные экономические связи (стр. 113). Но когда произошло это общественное разделение труда и в какой мере скотоводство отделилось от земледелия? На все эти вопросы еще нужно будет дать ответ.

Основному тексту книги предпослано «Введение» (стр. 5—14), где дается история изучения древней ирригации Средней Азии, что связано с практическими задачами современного ирригационного строительства, показана совместная работа инженеров-иригаторов с археологами. Подробно изложена хроника археологического изучения того района, которому посвящена рецензируемая работа.

Книга Б. В. Андрианова состоит из двух частей: I. Методы изучения древней ирригации, возникновение и развитие ирригационного земледелия (стр. 15—93) и II. Земли древнего орошения Приаралья (стр. 94—221). Начальная глава первой части (стр. 15—41) посвящена методам изучения древних ирригационных систем, в частности, картографированию каналов, древних поселений, пользовавшихся этими каналами, укреплений на конечных участках, определению хронологических границ их функционирования. Наиболее плодотворным методом фиксации каналов и древних поселений в настоящее время является аэрофотосъемка, и поэтому много места в главе уделено истории аэрометодов в археологии, начиная с первых работ, проведенных в 1906 г. (П. Шэрт в Англии). Особенно активно эти методы в археологии стали применяться в 20-х годах, а Хорезмская экспедиция начала ими широко пользоваться с 1934 г.

Автор подробно описывает дешифровку древней ирригации на аэрофотоснимках и на ряде иллюстраций (рис. 3—11) наглядно показывает результаты, полученные Хорезмской экспедицией.

Вторая глава — «Возникновение и развитие орошаемого земледелия» (стр. 42—93) занимает центральное место в книге. В ней автор обобщает большие проблемы, разрабатываемые на материале различных регионов земного шара. В главе дается краткий обзор зарубежных и отечественных археологических трудов, посвященных проблемам ирригационного земледелия, истории его развития и хронологии археологических культур аридных зон (работы Ч. Чайлда, А. Л. Перкинса, Р. Брейдвуда, В. Массона, Г. Лисницкой, материалы симпозиумов, посвященных этой теме). Следует сказать, что, как отмечает автор, для реконструкции древней природной среды и абсолютной датировки большую помощь археологам оказало применение методов естественных и точных наук (стр. 43).

Возникновение и развитие древнейших очагов земледелия, как правильно отмечает Б. В. Андрианов, зависело от природы местности и от распространения растений, пригодных для культивации. Крупнейшие ботаники, создавшие теории распространения культурных растений, использовали почти исключительно ботанические и этнографические материалы, и только в XX в. археологический материал стал широко привлекаться, став одним из основных источников.

На двух картах, приложенных к рецензируемой книге (рис. 12 и 13), соединены данные ботанических исследований (Н. И. Вавилов) и результаты широко развернувшихся археологических работ. На первой карте отмечены также центры формообразования культурных растений по Н. И. Вавилову, которые не получили археологического подтверждения.

Б. В. Андрианов оперирует громадным материалом и хорошо знает литературу по исследуемому им вопросу.

С большим вниманием относится автор к капитальным трудам по истории ирригации Р. Форбеса (1955 г.) и особенно Р. Адамса (1965 г.), крупнейшего знатока истории развития ирригации в Месопотамии.

В настоящее время на территории древневосточных государств археологи открыли много древнейших центров развитого земледелия, и каждый год приносит в этом отношении новые открытия. Южный Кавказ, например, считается древнейшим очагом земледелия; еще недавно археологам были известны сельскохозяйственные поселения, относящиеся к III тысячелетию до н. э., а за последние годы стали известны памятники IV и даже V тысячелетий до н. э. Так, начавшиеся систематические раскопки на холме Мохра-блур (Кюль-тапа) в Эчмиадзинском районе Армянской ССР открыли слои рубежа IV и III тысячелетий до н. э., связывающие известный ранее материал с более древним. Возможно, что и остатки ирригационных сооружений, заметных на высоком древнем русле р. Касах, относятся именно к этому периоду, периоду наиболее интенсивной жизни древнего поселения.

Зоны, где зародилось производящее хозяйство, основанное на примитивном земледелии и скотоводстве, определились еще в мезолите и неолите (стр. 45), что было связано с неравномерностью распределения растительных ресурсов по континентам. Н. И. Вавилов выделил восемь очагов происхождения и расселения культурной флоры, но в действительности их было больше. Так, юго-западноазиатский, лучше всего изученный, включает две отдельные группы крупных очагов: 1) переднеазиатский (Анатолия, Сирия, Палестина, Иран) и 2) среднеазиатский и северо-западноиндийский.

Исследуя развитие ирригации, Б. В. Андрианов рассматривает и примитивные орудия сбора урожая и обработки земли, причем он указывает, что раньше, по-видимому, возникли орудия, необходимые для сбора урожая, поскольку потребность в них появилась еще при пользовании естественно произрастающими злаками, корнеплодами

и корневищами. На рис. 14 (стр. 51) приводятся примитивные землеройные орудия из дерева и камня, встречающиеся в различных районах земного шара. Совершенно правильно замечание автора о том, что «землекопная техника гораздо древнее земледелия».

Путь, по которому прошло человечество от примитивного собирательства до культивирования растений, был очень долгим. Известный в настоящее время археологический материал Передней Азии позволяет проследить шесть основных этапов этого процесса от самого примитивного земледелия до ирригации древневосточных государств (стр. 55).

К первому этапу (поздний мезолит — XI—IX тысячелетия до н. э.) относятся слои Б, 1 и 2 в Шанидаре, а также культура «кебарен» в Палестине. На втором этапе возникают поселения «сборщиков урожая» (дикой пшеницы и ячменя), относящиеся к VIII—VII тысячелетиям до н. э. (Натуф в Палестине, Зави-Чеми-Шанидар в Загросе). Третий этап представлен культурами так называемого «докерамического неолита» собирателей и охотников VIII—VII тысячелетий до н. э., культивировавших растения на естественно орошаемых участках и, возможно, разводивших коз (неолит А 1 Иерихоне, докерамические слои Али-Кош). К четвертому этапу относятся земледельческие поселения эпохи «неолитической революции» (VII—VI тысячелетия до н. э.) подтверждающие существование оседлого земледельческого хозяйства, связанного ирригацией и скотоводством (Мухаммед Джаффар, Али-Кош, Чатал-Эйюк, VI слой). Пятый этап, относящийся к энеолиту (VI—V тысячелетие до н. э.), по мнению Б. В. Андрианова, был временем первого общественного разделения труда (Эриду Хассуна I—V, Тель-эс-Савван) и, наконец, шестой этап, конец IV тысячелетия до н. э. знаменуется зарождением городов-государств с развитым ирригационным земледелием (Эриду, Убейд, Урук, Джемдет-наср).

Мне представляется, что Б. В. Андрианов относит к слишком раннему времени отделение скотоводства от земледелия; ведь последние работы по додинастическому Египту и Шумеру показывают значительно больший удельный вес скотоводства, чем это предполагалось раньше. И в Шумере, так же как в Египте, происхождение классов было связано с прибавочным продуктом, полученным от скотоводства, а термин «князь» и «царь» связывается с термином «пастух», что находит подтверждение в мифах, легендах и образных выражениях. Ранние шумерские документы свидетельствуют о большой роли скотоводства в раннединастическом Шумере, и лишь позднее царские и храмовые хозяйства, от которых дошли до нас письменные документы, стали преимущественно земледельческими, в то время как общины занимались в основном скотоводством.

Материал, изложенный Б. В. Андриановым в тексте, сведен в специальные таблицы «Развитие ирригационного земледелия в юго-западном Иране» (стр. 58) и «Развитие ирригационного земледелия в Передней Азии в связи с развитием орудий труда» (стр. 64). Приведена также схема развития землеройных орудий, употребляемых в орошаемом земледелии (рис. 19, стр. 62).

В разделе «Ирригация и древние цивилизации» приведен громадный сравнительный материал по Египту (стр. 67—78), Месопотамии (стр. 73—81), Китаю (стр. 81—84) и Средней Азии (стр. 84—93) и сделаны интересные выводы и наблюдения. Маловероятно, что мне представляется лишь утверждение автора о связи булавы, часто встречающейся в арханческом Египте, с завершим землекопалки (стр. 69). Эта мысль основана на том, что сцена открытия канала царем Скорпионом изображена на крупной каменной булаве. Но булава является распространенным орудием в додинастическом Египте. На булаве Нармера, по размеру превосходящей булаву Скорпиона, изображен праздник объединения Египта («сед»), а на знаменитой палетке Нармера царь такой булавой убивает пленного врага. Кроме того, булава вошла в иероглифическое письмо и ее военное назначение не вызывает сомнения.

В заключении второй главы выделяются семь наиболее древних географически обособленных и хронологически разновременных ареалов орошаемого земледелия (стр. 93). Указывается, что способы орошения в них зависели от местных условий, в каждом из них существовали свои разновременные и локальные очаги, но было бы ошибкой считать, что вопросы domestikации растений и принципы ирригации развивались в изоляции. Эта важная историко-культурная проблема требует еще дополнительных исследований.

Часть вторая книги «Земли древнего орошения Приаралья», как было указано выше, представляет собою обобщение результатов исследований Хорезмской экспедиции, работавшей под руководством С. П. Толстова. Она состоит из трех глав, посвященных отдельным районам. Третья глава «Южная акададаринская дельта» рассматривает вопросы возникновения древнехорезмского государства и развития ирригации (стр. 113). Для реконструкции общественных отношений привлекается Авеста, которая, по мнению С. П. Толстова, обрисовывает общество оседлых скотоводов и земледельцев, где «вокруг скота вращаются все имущественные интересы». Культурные связи Хорезма с оазисами Маргианы и Бактрии способствовали быстрому прогрессу хорезмской ирригации. В главе подробно рассмотрены оросительные сооружения эпохи античности (стр. 116) и средневековья (стр. 137).

В четвертой главе, посвященной сарыкамышской дельте, материал также приводится по этим двум эпохам, но уже с привлечением сооружений нового времени.

Более дробная классификация ирригационных сооружений дана в пятой главе «Нижняя Сырдарья», где рассматриваются три периода античности, период средневековья и оросительные сооружения каракалпаков и казахов (XVII — начало XIX в.).

В заключение (стр. 222—223) приводятся интересные обобщающие схемы, например, табл. 9 «Некоторые данные о развитии техники ирригации в низовьях Амударьи», «Развитие ирригационной техники в дельтовых областях, на примере Хорезма» (рис. 65, стр. 225). Особенно интересна табл. 10, где рассмотрены три основных вида развития ирригационных систем: 1) на горных речках и ручьях (юго-западная Азия, Перу), 2) в дельтах и долинах крупных рек (Южная Месопотамия, Египет, низовья Амударьи и Сырдарьи) и 3) на подземных водах.

Книга заканчивается указанием на то большое значение, которое имеют археологические исследования для ирригационного строительства в наши дни. Прав был В. В. Бартольд, отрицавший распространенное ранее мнение о бесперспективности попыток освоения иссушенных зноем туркестанских земель, будто бы обреченных на неминуемую гибель.

Б. В. Андрианов написал хорошую и нужную книгу, где глубокая разработка теоретических вопросов сочетается с продуманным обобщением большого материала, собранного археологическими работами экспедиции, создавшей методику полевого исследования древних оросительных систем. Книга не только историческая, она нужна строителям ирригационных сооружений и сегодня.

Б. Б. Пиотровский

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Этногенезис и культурно наследство на българския народ. Сборник. София, 1971 г.

Рецензируемая книга является сборником докладов, прочитанных на конференции, которая состоялась в Софии в 1968 г. и была посвящена проблеме, указанной в заголовке. В конференции, созданной по инициативе Этнографического института Болгарской Академии наук, приняли участие, кроме этнографов и фольклористов, болгарские специалисты, занимающиеся смежными науками: языковеды, историки, археологи. Основной целью научного собрания в Софии было подвести итоги отечественных исследований в области этногенеза и этнической истории болгар и наметить пути для дальнейшей работы.

Этническое развитие болгар было рассмотрено в широких хронологических рамках, от его истоков и предыстории (период античности и варварских нашествий начала I тысячелетия) до формирования болгарской нации и судеб современной национальной культуры. Такая постановка вопроса представляется правомерной, так как этнические процессы продолжают развиваться в новое и новейшее время весьма интенсивно.

Содержание докладов можно свести к нескольким основным проблемам. Первая — изучение этнических компонентов, давших начало болгарской народности.

Весьма существенное внимание в этой связи в сборнике уделено фракийскому этнокультурному компоненту. Фракийцы рассматриваются как основной субстрат, вливающийся в славянскую массу при возникновении болгарского народа. Поэтому в докладах ставились проблемы этногенеза фракийцев, локализации фракийских племен, связи их культуры с древними культурами Балканского полуострова. Эти вопросы, поднятые еще в XIX в., являются до сих пор дискуссионными. Одни ученые считают фракийцев пришлым народом, сравнительно поздно (начало II тысячелетия до н. э.) появившимся на Балканском полуострове из северных областей (В. Томашек, П. Кречмер Эд. Мейер, Г. Кацаров, Д. Дечев, авторы книги «История Румынии», 1961 г.). Другие же исследователи обращают внимание на те элементы в культуре и языке фракийцев, которые указывают на их связь с более древним населением Балканского полуострова, т. е. подчеркивают значение автохтонного развития, преемственности культур древних обитателей северо-востока Балканского полуострова. Именно эта вторая точка зрения представлена в рецензируемом сборнике статьей акад. В. Георгиева («Генезисът на балканските народи»). Исходя из лингвистических (главным образом топонимических) данных, он полагает, что присутствие фракийцев на Балканах может быть зафиксировано уже с мезолита или начала неолита. Область расселения фракийских племен охватывала, по мнению В. Георгиева, земли между Балканскими горами на севере, Эгейским и Мраморным морями на юге, Черным морем на востоке и р. Струмой на западе. Между фракийцами, жившими к югу от